

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2011 г. В. А. АРАКЧЕЕВ *

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СЕВЕРНОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV века

В фонде «Приказные дела старых лет» РГАДА хранится объемный столбец 1647 г., содержащий в себе документы по делу о челобитье крестьянина Устьянских волостей Исае Антонова с товарищами об упразднении возложенной на волости ямской повинности¹. Среди синхронных дат оформления дела документов в столбце находятся указные грамоты В. Шуйского земским старостам и целовальникам Устьянских волостей, а также широко известная, введенная в научный оборот Е.Д. Сташевским и М.М. Богословским указная грамота 24 мая 1555 г. старостам Устьянских волостей об отмене кормлений². Опубликовав грамоту Устьянским волостям в примечании к своему труду, Богословский неверно указал ее дату – 23 мая 1555 г. В результате механической ошибки Богословского ошибочная дата выдачи этой грамоты закрепились в историографии. П.А. Садиков писал о 23 или 24 мая, А.А. Зимин – о 25 мая, Н.Е. Носов – о 23 мая³. Между тем еще в публикации Е.Д. Сташевского, осуществленной по другому списку, фигурировала точная дата грамоты – 24 мая 1555 г. Наибольший интерес, однако, представляет другой документ из столбца – список 1647 г. с указной грамоты Ивана III на Великий Устюг.

Будучи уникальным источником, характеризующим политику великих московских князей в северных русских землях, грамота позволяет описать и административную практику Москвы на Двине в третьей четверти XV в. Публикуемый документ обозначен переписчиком как «список з жаловалные грамоты», что, безусловно, не соответствует ее содержанию. Акт начинается не с оборота «се аз», а с оборота «от великого князя», и соответствует типу указных грамот договорно-распорядительного вида⁴. Грамота выдана от имени великого князя Ивана Васильевича, что при отсутствии даты документа дает возможность видеть в этом суверене либо Ивана III, либо Ивана IV периода его великого княжения. Датирующий признак документа содержится в *inscriptio*, где именуются адресаты – наместник князь Иван Александрович и тиун Кузьма Коробьин. Оба администратора упоминаются в так называемых списках двинских земель 1470-х гг., что, безусловно, датирует грамоту временем правления Ивана III⁵. Кроме того, содержащиеся в публикуемом источнике сведения побуждают заново рассмотреть существующие в настоящее время в историографии представления о московско-новгородском противостоянии в Двинских землях накануне падения Новгородской республики.

Борьба Москвы и Новгорода за Двинские земли отразилась в 3 списках Двинских волостей, впервые опубликованных в «Актах Археографической экспедиции» и с тех пор традиционно именуемых «первым», «вторым» и «третьим» по порядку их первой публикаций⁶. Л.В. Черепнин датировал «первый» список временем не позднее 1471 г.,

* Аракчеев Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой музееведения и археологии Псковского государственного педагогического университета.

«третий» список имеет точную дату 25 марта 1471 г., а «второй» список, связанный с «походом миром» Ивана III на Новгород, датировал 1475–1476 гг. Однако, судя по всему, Черепнин не настаивал на столь точной хронологии, поскольку не возражал в дальнейшем против датировки И.А. Голубцовым «первого» списка 1462–1470 гг., а «второго» – 1471–1476 гг.⁷ В.Л. Янин пересмотрел эту устоявшуюся хронологию, датировав «первый» список 1471–1477 гг., а «второй» – 1474–1477 гг.⁸

«Первый» список Двинских волостей перечисляет территории Северного Подвигия – от устья Онеги до устья Мезени и никак не связан с публикуемым документом. Зато содержание «второго» списка Двинских волостей напрямую соотносится с вводимым в научный оборот источником. Он озаглавлен как выписки «из списков ис судейских о Двинских землях», а после перечня волостей указано, что списков было всего 18, из которых 10 «списков о землях, а 3 списка противни им, а пять списков о грабежах». Еще Л.В. Черепнин предположил, что во «втором» списке упомянуты 10 комплексов владений, по каждому из которых состоялось отдельное судебное слушание во время «похода миром» Ивана III в Новгород в конце 1475–1476 гг.⁹ В большинстве случаев истцами во время слушаний выступали великокняжеские бояре; исключения отметим отдельно.

Емская гора, Шоговары и прилегающие к ним земли в нижнем течении Ваги были вотчиной «князя Ивана Владимировича Ростовского». Заостровье с прилегающими землями в бассейне левых притоков Двины Кодемы и Юмыша в прошлом составляли вотчину кн. Федора Андреевича Ростовского. Земли в бассейне левых притоков Ваги рек Вели и Пежмы являлись вотчиной кн. Ивана Александровича Ростовского (Пужбольского). Этот и следующий фрагмент содержат важный датировочный элемент, поскольку захватчиком земель была новгородская владычная кафедра в период правления архиепископа Ионы (1458–1470 гг.). Истцом в ходе судебных слушаний был не великокняжеский боярин, а «староста вельской и пеженской Федко Василисов».

Земли в верхнем течении Ваги в бассейне Терменги и Двиницы также являлись вотчиной Ивана Александровича, ранее захваченной архиепископом Ионой. Земли в бассейне Кокшенги и Усьи, составившие в дальнейшем территорию Устьянских волостей, тоже принадлежали к числу земель кн. Ивана Александровича. Великая слобода, основанная при впадении Усьи в Вагу, была «отчина великих князей из старины оброчная». Земли в бассейне реки Колуй составляли вотчину Ивана Владимировича Ростовского. Земли в низовьях Двины и на побережье Белого моря, включая Холмогоры, Княжостров, Солонбал, Терпилов погост, Неноксу, были обозначены как «вотчина оподарей великих князей». Земли в бассейне Пинеги также были вотчиной великих князей. Земли в среднем течении Северной Двины, включая Моржову гору, Емецкие городок и погост, были вотчиной Константина Владимировича Ростовского¹⁰.

Как видно, 10 обозначенных волостей в хронологически не определенное время находились во владении 5 князей: великих московских и четырех ростовских – Ивана Владимировича, Федора Андреевича, Ивана Александровича Пужбольского и Константина Владимировича. Время княжения и кончины поименованных ростовских князей в большинстве случаев устанавливается предположительно: Константин умер в 1415 г., Иван Владимирович – после 1456 г., а Иван Александрович и Федор Андреевич – до 1474 г. Янин установил время и обстоятельства возникновения правопреемства Москвы на эти земли. По его мнению, Великая слобода «принадлежала к числу “ростовщин”, которые оказались под суверенитетом Москвы еще с покупкой Сретенской половины Ростова», совершение которой Янин относит к времени правления Василия II. Вотчины великих князей в низовьях Двины и в бассейне Пежмы, по мнению Янина, на самом деле не принадлежали Москве, и в требовании их передачи видна «эскалация» натиска Москвы на Новгород, проявившаяся после побед на Двине в 1471 г.¹¹

«Вотчины» Ивана и Константина Владимировичей Ростовских попали под суверенитет Москвы в результате московской службы их владельцев – ростовских князей. Янин установил, что Константин мог перейти на службу к Василию Дмитриевичу еще до 1415 г., а Иван к Василию II – до 1456 г. Вотчины Ивана Александровича и Федора

Андреевича, по предположению Янина, перешли к великим московским князьям после продажи Москве Борисоглебской половины Ростова в 1474 г., которую осуществили их наследники – сын Ивана Александровича Иван Долгий и брат Федора Андреевича Владимир¹². Именно последний аргумент лег в основу предложенной Яниным датировки «второго» списка Двинских земель, который, по его мнению, не мог быть составлен ранее 1474–1475 гг., времени продажи Борисоглебской половины Ростова.

Публикуемый документ содержит данные, опровергающие это построение исследователя. Грамота включает распоряжение, касающееся «пежемцов» – населения волости Пежма, которая во «втором» списке Двинских земель обозначена как бывшее владение кн. Ивана Александровича Ростовского¹³. Следовательно, в период с 1462 г., но до 1474 г., когда князя Ивана уже не было в живых, великий московский князь распространил свой суверенитет на Пежму, а ее бывший владелец князь Иван оказался в положении московского наместника в Великом Устюге, т.е. перешел на службу Ивану III. Время коммандации Ивана Пужбольского великим московским князьям установить сложно, однако имеется возможность реконструировать обстоятельства, при которых состоялся переход ростовских князей на службу Москве.

В осуществленной Яниным реконструкции хода московско-новгородского противостояния на Двине отсутствует звено, на важность которого указал В.А. Кучкин, – Великий Устюг как центр административного подчинения «ростовщин» на Ваге и Северной Двине¹⁴. Как известно, Устюг изначально принадлежал к вотчине ростовских князей – потомков Константина Всеволодовича. В первой трети XIV в. Устюг был объектом нападений московского князя Юрия Даниловича в союзе с новгородцами, причем сидевшие в нем «устюжские князи» сами совершали нападения на новгородских данников, как это было в 1329/30 г. Однако во время московско-новгородской войны 1393 г. «новгородцы взяша у князя великого Устюг город»¹⁵.

О московском суверенитете над Устюгом в конце XIV в. свидетельствуют и другие факты. В Двинской уставной грамоте 1397–1398 гг. упомянуты «наместники на Устюзе», взимавшие соль и белок с проезжих двинских гостей и не имевшие права их судить и давать на поруки¹⁶. Судя по всему, именно Устюг был опорным пунктом в наступлении вел. кн. Василия Дмитриевича на Двину в 1397 г., чем объясняется стратегия ответного удара новгородцев, направленного именно на Устюг, где их войска стояли 4 недели после 7 апреля 1398 г.¹⁷ Столкновения между новгородцами и устюжанами имели место в 1417 и 1425 гг., а московская принадлежность Устюга в годы правления Василия II доказывается пребыванием здесь в 1436 г. наместника кн. Г.И. Оболенского и наследованием Устюга Ибаном III по духовной отца 1461–1462 гг.¹⁸

В связи с вышеперечисленными фактами возникает вопрос: когда же Устюг оказался под суверенитетом Москвы? Судя по тому, что в 1364 г. Константин Васильевич Ростовский после поражения от поддержанного Москвой Андрея Федоровича в борьбе за Ростов отъехал в Устюг, в это время город был еще частью Ростовского княжения¹⁹. Вероятнее всего, Устюг перешел в состав великого московского княжения в годы правления Дмитрия Ивановича, после 1364 г., но до 1393 г., когда он был уже однозначно великокняжеским городом. Переход Устюга под власть Москвы был сопряжен с существенным понижением статуса сидевших в нем князей, которые последний раз упоминаются в летописных событиях 1324 и 1329/30 г. Вместе с тем не позднее 1397 г. Федор Александрович Ростовский, второй по старшинству сын владельца Борисоглебской половины Ростова Александра Константиновича, оказался на службе великого князя московского.

Судим об этом по фактам активного участия кн. Федора в аннексии Двины, куда он приехал «в засаду», т.е. засел в Орлеце, чтобы «городка блюсти, и судити, и пошлыны имати с новгородских волости». Административная деятельность кн. Федора закончилась его пленением новгородцами в 1398 г., после чего победители, забрав у него «присуд или пошлыны, что поимал», великодушно даровали ему жизнь²⁰. Полагаю, что такие функции, как суд и взимание пошлин, могли быть присущи только наместнику великого князя, но не его союзнику. Это обстоятельство характеризует Федора Алек-

сандровича как служебного князя, возможно, первого из ростовских династов, «отъехавшего» в Москву. Как показал В.Д. Назаров, группа князей, позднее устойчиво именовавшихся служилыми, впервые фигурирует в московско-тверском договоре 1399 г.: «А кто моих князей отъедет к тебе, кого ми Бог поручил и моей братьи молодшей, в тех ти вотчины не вступатися, ни твоим детем, ни твоим братаничем, ни под нашею братьею меньшею, ни под нашими детьми»²¹.

Переход кн. Федора на московскую службу открыл эту дорогу и для его братьев. Как показывает публикуемый документ, наряду с Константином и Иваном Владимировичами, коммendaцию великому московскому князю принес и родной брат кн. Федора Иван Александрович Пужбольский, причем, согласно установившемуся порядку, номинально они сохранили свои земли, перечисленные во «втором» списке Двинских волостей. Как видно из грамоты Ивана III, одна из волостей – Пежма – оказалась в кормлении у своего владельца. Правда, права «отчича» на свою волость к 1460-м гг. были существенно урезаны, либо упразднены – на Пежме была основана великокняжеская слобода, жители которой получили от московского князя оброчную грамоту, по которой они вместе с «заеречанами» должны были выплачивать суверену оброк в 1 тыс. белок, что освобождало их от ординарных податей.

Это обстоятельство позволяет поставить вопрос: не являлись ли перечисленные во «втором» списке Двинские волости из числа «ростовщин» такими же освоенными великим князем «слободками», владельческая принадлежность которых ростовским князьям была уже в прошлом? Если это предположение верно, то интерпретация «второго» списка Двинских волостей может быть существенно иной. Я же склоняюсь к тому, чтобы признать случай Пежмы наряду с волостью по Колую уникальным, ибо только от этих волостей истцами в суде выступали не великокняжеские люди, а старосты Федко Василисов и Васья Горло²².

В публикуемом документе содержится еще одна важная деталь – великокняжеская грамота адресована «тиуну моему Кузме Коробьину», упоминаемому в «третьем» списке Двинских волостей, датированном 25 марта 1471 г. Волость Кузма Коробьин «седел от великого князя... на Кегроле да на Чаколе... лет с семь», т.е. примерно в 1463/64 г. Одновременно с ним на Вые и на Пинежке сидел, вероятно, его брат Петруша Коробьин²³. Такие обороты, как «мой тиун» и волость «от великого князя», позволяют видеть в Коробьине не холопа кн. Ивана Александровича, а московского администратора из детей боярских. Из Боярской книги 1556/57 г. видно, что тиунство на Великом Устюге было отдельным кормлением, которое в середине XVI в. получали служилые люди среднего ранга, входившие в состав государева двора. Великоустюжским тиуном в 1553–1555 гг. был занесенный в Тысячную книгу сын боярский 3-й статьи из Дмитрова А.Т. Тишков²⁴. Возможно лишь предполагать очередность служебных назначений Кузмы Коробьина, но по логике вещей более доходное и престижное волостельство в Кегроле и Чаколе на р. Пинеге должно было следовать за тиунством в Устюге. Это соображение с некоторой вероятностью позволяет датировать публикуемую грамоту 1462/63 г., хотя нельзя исключать и более широких хронологических рамок 1462–1474 гг.

Предложенная датировка находит свое соответствие и в титуловании Ивана III: «А назади у грамоты написано: князь великий». Наблюдения Кучкина над великокняжескими титулами в жалованных грамотах второй половины XV в. свидетельствуют, что до 1479 г. на обороте жалованных грамот писали титул «князь великий», и лишь с 1479 г. sporadически, а с 1485 г. постоянно на обороте грамот ставился титул «князь великий всея Руси». Исключения в этом порядке титулования относятся как раз к севернорусским землям, ибо в актах, выдававшихся на Белоозеро, Двину, Пермь, и до 1485 г. эпизодически использовался полный титул «князь великий всея Руси»²⁵. Тот факт, что в публикуемом документе применено краткое титулование великого князя, свидетельствует о его написании в тот момент, когда полное титулование было исключением, подчеркивавшим особые условия изъяснения воли суверена, т.е. в 1460-х гг. Публикуемый акт – не единственный, относящийся к Великому Устюгу этого времени.

Начиная с публикации Д.М. Мейчика, дважды издавалась грамота вел. кн. Ивана III на Устюг тиуну Семену Исакову, датированная И.А. Голубцовым 1467–1481 гг.²⁶ Причиной выдачи грамоты был захват ростовским архиепископом Вассианом, в чьей епархии находился Устюг, деревень, принадлежавших соборной устюжской Богородицкой церкви. Великий князь предписывал тиуну в случае отказа архиепископа вернуть деревни, отдать их «безпереводно» протопопу и прихожанам. Это распоряжение характеризует великоустюжского тиуна последней трети XV в. как администратора, наделенного значительными полномочиями по регулированию отношений в сфере иммунитета. Как видно из публикуемого документа, великоустюжские кормленщики имели обширные полномочия и в сфере фиска.

Поводом к отправке грамоты устюжским наместнику и тиуну было стремление устюжан во главе с их «бегоулями» включить население Печмы и Заечьей реки в «потуг» и дань вопреки освобождению их от тягла по оброчной грамоте. Термин «бегоули» упомянут в 4 известных нам документах XIV–XVI вв. Его наиболее раннее упоминание встречается в жалованной грамоте 1320-х гг. ярославского князя Василия Спасо-Ярославскому монастырю: «Бегоули мои не имают людей спаских в сторожу, ни в корму»²⁷. Термин «бегоули» употреблен также в двух актах великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря 1551 и 1598 гг.: собранный корм предписывалось отдавать «устюжским бегоулем или старостам, и бегоули или старосты платят корм наместнику»²⁸.

Упоминание термина «бегоули» еще и в грамоте Ивана IV от 24 мая 1555 г. Устьянским волостям об отмене кормлений убеждает в том, что это слово являлось диалектизмом, укоренившимся не только в бытовом языке населения, но и в делопроизводстве Устюжского уезда. Судя по тому, что бегоули упомянуты в грамоте 1555 г. между сотскими и десятскими, их место в формулярном обороте соответствует месту пятидесятских. Впрочем, выражение публикуемого документа «бегоули и все устюжане» заставляет видеть в них не именно пятидесятских, а вообще ответственных лиц выборного мирского управления, отвечавших, видимо, за раскладку податей и выплату оброка.

В грамоте констатируется, что бегоули и устюжане «тянут» печемцев и заеречан «в потуг». Термин «потуг» свойственен новгородскому делопроизводству республиканского периода и фигурирует в синхронных публикуемому документу новгородско-московских договорах 1456 и 1471 гг.: «А купец пойдет во сто, а смерд потянет в свои потуг»²⁹. Но впервые в известных нам источниках термин «потуг» употреблен в жалованной грамоте новгородского веча крестьянам Терпилова погоста, датированной Яниным 1422–1423 гг.³⁰ Терпилов погост располагался в низовьях Двины и лежал чересполосно с землями Двинской слободы, жители которой свободно переходили в состав общины Терпилова погоста. Помимо распоряжения, устанавливающего размер поралья, грамота содержит еще и принципиальное установление о несении тягла («потуга») по месту проживания: «А который двинянин слободчанин почнет жити на земле Терпилова погоста, а той потянет потугом в Терпилов погост»³¹.

Административная практика, применявшаяся в новгородских погостах Поморья, объясняет смысл распоряжений публикуемой грамоты. Бегоули и устюжане, считая слободчан с Печмы и Заечьей реки жителями одного «присуда» (кормленного округа), тоже попытались притянуть к себе «в потуг» оброчников, освобожденных от этого потуга великокняжеской жалованной грамотой. Надо полагать, выдача этой оброчной грамоты была элементом политики великих московских князей по расширению сферы своего влияния на Севере, ибо слободчики оказывались таким образом, ревностными сторонниками Москвы. Их фискальная защита была естественным побуждением великокняжеской власти, что и показывает публикуемая грамота.

Проводниками подобной фискальной политики часто оказывались наместники, что доказывается несколько более поздними документами. Так, в 1497/98 г. Гороховецкий волостель Константин Симанский «пожаловал» «по великого князя слову» несколько семей крестьян дубровой, лугом и урочищем, освободив их от тягла с волостчанами на 10 лет³². В 1516 г. Василий III дал указную грамоту Устюжскому намест-

нику кн. И.И. Холмскому и тиуну С. Левашову с требованием не взимать наместничьи кормы, подымное и другие пошлины с деревень протопопа устюжского Успенского собора³³.

Вышеизложенные аргументы, среди которых присутствуют известные из других актов персоналии, терминология и подлежащая регулированию административная практика, являются существенными доказательствами подлинности указной грамоты Ивана III 1462–1474 гг., с которой был сделан список 1647 г. Можно отметить лишь один вероятный пропуск текста в третьем предложении грамоты, где явно отсутствует необходимый для согласования оборотов предлог «и» между фразами «з Заечьи реки» и «нынеча», что не препятствует адекватному прочтению акта.

Приложение

[1462–1474 гг.] – Грамота с прочетом вел. кн. Ивана Васильевича на Устюг наместнику кн. Ивану Александровичу и тиуну Кузьме Коробьину по челобитью пежемцев и заеречан о ненарушении великокняжеской оброчной грамоты, заменявшей дань и потуг фиксированным оброком

Список з жаловалные грамоты. От великого князя Ивана Васильевича на Устюг наместнику моему князю Ивану Олександровичу и тиуну моему Кузьме Коробьину. Бил ми челом zde Михайко Старостин сын за всех людей, за пежемцов и за заечерчан, а сказывает, что, дей, дают мне великому князю оброк з году на год по тысяче белки по моей грамоте великого князя по оброчной с Пежмы и з Заечьи реки, нынеча, дей, их бегоули и все устюжане тянут к себе в потуг и в мою великого князя дань через грамоту великого князя, жаловалную. И вам бы, бегоулем, и всем устюжаном их к себе в потуг и в мою великого князя дань тянути не велели, а грамоты бы моей у них не рушили, а вы бы на них в том приставов своих не давали, и правити бы есте на них не велели тех пометов, а пежмяне и заечерчане по старине знают свой оброк по моей, великого князя, грамоте по оброчной, а и вперед есмь их пожаловал: к бегоулем есмь им в свою дань и в потуг тянути не велел, а знати им свой оброк по грамоте, а кому будет на них чего имати, и они промеж себя сами сроки себе записывают перед великого князя на Збор. А прочет сию грамоту, отдайте им назад, и они себе держат впрок.

А назади у грамоты написано: князь великий.

РГАДА, ф. 141, оп. 2 (1647г.), д. 30, л. 38.

Примечания

¹ РГАДА, ф. 141 («Приказные дела старых лет»), оп. 2 (1647 г.), д. 30.

² *Сташевский Е.Д.* К вопросу о том, когда и почему возникли чети? // Киевские университетские известия. 1908. № 12. С. 34; *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. С. 287–288.

³ *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 251; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 429; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. 514; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Комментарии. Л., 1987. С. 31–32.

⁴ *Каишанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 150.

⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). Т. 3. М., 1964. № 14, 15, 16. С. 30–33.

⁶ Акты Археографической экспедиции. Т. 1. СПб., 1836. № 94–1, II, III. С. 73–75.

⁷ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 335; АСЭИ. Т. 3. № 14. С. 30–31; № 16. С. 33.

⁸ *Янин В.Л.* Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50–70-х гг. XV в. // Исторические записки. Т. 108. М., 1982. С. 189–214; *он же.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 186–187, 194–200; *он же.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 292–321. Поскольку аргументация исследователя принципиально не изменилась с 1982 г., считаю возможным сослаться на последнее по времени выхода исследование.

⁹ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 346–347.

- ¹⁰ АСЭИ. Т. 3. № 15. С. 30–31.
- ¹¹ Янин В.Л. Очерки истории... С. 298, 313, 314–316.
- ¹² Там же. С. 302–303, 308–309.
- ¹³ АСЭИ. Т. 3. № 16. С. 32.
- ¹⁴ Кучкин В.А. Формирование территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 279.
- ¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 97, 99, 386.
- ¹⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 88. С. 145.
- ¹⁷ НПЛ. С. 392.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 86; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950. № 61. С. 194.
- ¹⁹ Кучкин В.А. Формирование территории... С. 279.
- ²⁰ НПЛ. С. 391, 392–393.
- ²¹ Назаров В.Д. Служилые князя Северо-Восточной Руси в XV в. // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 178–179.
- ²² АСЭИ. Т. 3. № 16. С. 32.
- ²³ Там же. № 15. С. 31.
- ²⁴ Носов Н.Е. Указ. соч. С. 519–520.
- ²⁵ Кучкин В.А. О времени написания Буслаевской Псалтири // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 223–224. Выражаю признательность В.А. Кучкину, обратившему мое внимание на важность способа титулования как датирующего признака публикуемого документа.
- ²⁶ Мейчик Д.М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883. № 163. С. 100–101; АСЭИ. Т. 3. № 281. С. 297–298.
- ²⁷ АСЭИ. Т. 3. № 190. С. 204.
- ²⁸ Шляпин В.П. Акты великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. 2. Великий Устюг, 1912. С. 125.
- ²⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 22. С. 41; № 26. С. 49.
- ³⁰ Янин В.Л. Новгородские акты... С. 304.
- ³¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 89. С. 146.
- ³² Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. М., 1998. № 27. С. 76.
- ³³ Кашианов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 60.

© 2011 г. А. Ю. ПРОКОФЬЕВА *

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ XVIII–XIX веков: анализ историографии

Проблема брака и семьи – одна из тех предметных областей исторической науки, которая уже более полутора веков вызывает устойчивый исследовательский интерес. За это время отечественной историографией был выявлен значительный пласт источников разных типов, что позволило поставить и рассмотреть множество вопросов семейно-брачной проблематики. Однако общая картина истории российской семьи так и не получила равномерного освещения. Сегодняшнее ознакомление с накопленным исследовательским опытом приводит к выводу о явном исторически сложившемся дисбалансе как в области тематического выбора при исследовании семейно-брачного вопроса, так и в области социального и хронологического его решения. Определенная источниковая и методологическая ограниченность до сих пор имеют своим следствием

* Прокофьева Александра Юрьевна, аспирантка исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00011а.